

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

А. О. Степнов, С. А. Некрылов

«ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ» В РАННЕСОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ОПЫТ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73

УДК 94(571.16) “1920” ББК 63.3(285.3)612

В статье исследуются групповые границы внутри университетского сообщества Томска в контексте политики «пролетаризации» высшей школы СССР в 1920-е гг. Проект «пролетаризации» был направлен преимущественно на изменение социального состава как профессуры, так и студенчества. Обновление профессуры требовало более длительного времени, поэтому «пролетарское» студенчество мыслилось как не только предстоявшая смена научно-педагогических кадров, но и инструмент давления «снизу» на «старую» профессуру. Строгое противопоставление этих категорий внутри пространства вузов в целом характерно и для историографии. Исключение делается в основном в связи с пересмотром специфических качеств той или иной категории (к примеру, ревизионистская характеристика выдвиненцев как агентов консервативного поворота в 1930-е гг.). Однако демократические традиции «старой» профессуры, которая в Томском университете к тому же имела не совсем привычный для классических университетов предреволюционной России сословно-классовый состав, во многом определили толерантное отношение немалой ее части к «пролетарским» студентам. Подчеркивается, что и последние нередко распознавали «старых» профессоров как своих. Границы между «старой» профессурой и «красным» студенчеством оказались пластичны, а избираемые ими ролевые модели поведения носили ситуативный характер и зачастую не соответствовали ожидаемым стандартам. Фактически вообразенные партийцами модели профессуры и студенчества оказались субстанционализированы. Наложение этих моделей на действительную карту идентичностей университетского микросоциума порождало сбой восприятия и атмосферу недоверия в сообществе, что стало одной из предпосылок мрачных реалий 1930-х гг.

Ключевые слова: *«пролетаризация» высшей школы, профессура, студенты, рабочий факультет (рабфак), советская Россия*

В историографии принято рассматривать высшую школу СССР 1920-х гг. через призму бинарных категорий: власть и вузовская интеллигенция, «старая» и «красная» профессура, «буржуазное» и «пролетарское» студенчество. Немало представителей советского партийного руководства поддерживало эти оппозиции, сталкивая социально-профессио-

нальные группы и предполагая, в частности, что новое студенчество не только в перспективе заменит «старую» профессуру, но и до того будет влиять на нее «снизу». Этот подход распространялся через прессу и, в частности, публицистику и порой усиливался демонстративной поддержкой нового строя со стороны некоторых ученых.

Конфликтная история взаимодействия власти и организованной профессуры, столкновение в вузах «старых» студентов с выходцами из рабоче-крестьянских слоев, в основном из числа воспитанников рабочих факультетов, в 1920-е гг. создали в высшей школе ситуацию долгой «гражданской войны». В западных исследованиях эта ситуация оценивается не тривиально, и в выдвиненцах мы видим уже не авангардных агентов экспериментально-го строя, а оплот реставрации традиционных ценностей в эпоху сталинизма.¹ К середине

Степнов Алексей Олегович — к.и.н., м.н.с. научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность», ассистент кафедры российской истории, Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: brothe.numbl@gmail.com

Некрылов Сергей Александрович — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой российской истории, Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: medicinahistory@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030)

¹ См.: Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 249–254.

1920-х гг. произошла «гомогенизация» студенчества, и в то время как А. Р. Марков отмечает парадоксальную маргинализацию этого гибридного студенческого сообщества в целом,² П. Конечный разделяет его на способных и не способных балансировать между неформальным миром студенчества и реальным миром государственных ожиданий.³ Оба историка при этом подчеркивают известную преемственность с дореволюционным студенчеством. Переопределение идентичностей, в ходе которого пролетарское студенчество предстает не в полной мере пролетарским, а ставки большевиков на рабочих и крестьян в деле конструирования новой интеллигенции оборачиваются неспрогнозированным результатом, характерно для исследований обсуждаемой проблематики. В статье предполагается понять причины этого. Представляется, что опыт «пролетаризации» Томского университета (ТУ) вполне располагает к этому.

Основанный в 1878 г. Императорский Томский университет (ИТУ), старейший в Сибири и один из 12 учрежденных в дореволюционной России императорских университетов, с одной стороны, реализовал типичный постреволюционный сценарий. Вскоре после Февральской революции 1917 г. Временному правительству была направлена телеграмма, в которой отмечалось, что профессора, младшие преподаватели и служащие Томского университета «считают своим гражданским долгом полностью поддерживать его программу».⁴ Профессорско-преподавательский корпус и студенчество ТУ в том же году осудили октябрьские события в Петрограде. Последовавший вскоре недолгий период (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) власти совета рабочих и солдатских депутатов в Томске сменился режимом белых правительств.⁵ Вплоть до восстановления советской власти в городе в декабре 1919 г. университет функционировал в автономном формате.

Хотя, в отличие, прежде всего, от Москвы и Петрограда,⁶ в Томске за нововведениями

большевиков в области высшей школы не последовало забастовок, саботажа и публичного протеста, критическое настроение «старой» профессуры давало о себе знать. По воспоминаниям В. Д. Кузнецова, прежде чем в июне 1922 г. принять на себя временные обязанности ректора ТУ, он был приглашен профессорами А. П. Пospelовым, С. М. Курбатовым, Н. В. Култашевым, Ф. Э. Молиным, М. Д. Рузским и Б. Л. Богаевским на личную встречу, где те просили не отдавать их «на съедение большевикам».⁷ К тому времени профессура уже руководствовалась опытом взаимодействия с революционно настроенным студенчеством, представители которого входили в коллегия по управлению вузами Томска. Профессорам вменялось просить у коллегии разрешения на отправку личных писем и телеграмм, поскольку их «ненадежность и контрреволюционность» сомнению не подвергались. В марте 1922 г. А. П. Пospelов, ректор ТУ в 1918–1921 гг., оставил должность декана физико-математического факультета после конфликта со студентом С. П. Волковым. Последний занимал должность секретаря правления факультета и сетовал на умаление своих прав и грубое отношение к нему Пospelова.⁸ Отставка Пospelова, безусловно, носила характер протеста против студентов — подопечных «господствующей партии».

Вместе с тем монолитная идентификация «старой» профессуры и поддержанного властью «красного» студенчества, представители которого в 1920-е гг. входили и в правление университетов, выглядит упрощением. Напротив, профессора ТУ подошли к вопросу о сотрудничестве с большевиками дипломатично. В университете последовательно реализовывались декреты СНК РСФСР: например, в июне 1920 г. был открыт рабочий факультет (рабфак), а бывший юридический факультет преобразован в факультет общественных наук. В дальнейшем профессура вынуждена была

² См.: Марков А. Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 годов. М., 2005. С. 124, 144–145.

³ См.: Конечны Р. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 // *Journal of Social History*. 1996. Vol. 30, № 1. P. 118.

⁴ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 731. Л. 74.

⁵ См.: Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 4, 5.

⁶ См.: McClelland J. C. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917–1921 // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30, iss. 4. P. 818–831; Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973; Кулайгород-

ская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Л., 1984; David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London, 1997; Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х гг.* СПб., 2003. С. 173–184; Иванов К. В. Новая политика образования в 1917–1922 годах. Реформа высшей школы // *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е гг.)*. М., 2012. С. 359–379.

⁷ Кузнецов В. Д. Мой путь в науке // *Архив музея истории ТГУ*. С. 150.

⁸ См.: ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 58–59.

смириться с переводом последнего в Иркутский университет и, следовательно, фактически с исчезновением почти на 20 лет гуманитарной науки и образования в классическом Томском университете. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был приведен в жизнь «со всеми последствиями», в частности с ликвидацией университетской домово́й церкви и кафедры богословия. Были установлены контакты с Народным комиссариатом просвещения (НКП) и Сибирским отделом народного образования (СИБОНО). Д. К. Чудинов, заведующий СИБОНО с октября 1920 г., вспоминал, что отношения с томскими вузами были «вполне нормальными».⁹ Преемник А. П. Поспелова в должности ректора Б. Л. Богаевский, поддержанный, заметим, и студенческой фракцией, в сношениях с органами советской власти защищал интересы как профессуры, так и студенчества. Один из первых воспитанников томского рабфака, а затем студент медицинского факультета ТУ Д. Солоникин вспоминал, что деятельность «разбойничьего», как его называли «старые» студенты, факультета «постоянно сопровождалась противодействием со стороны правления университета».¹⁰ Но Богаевский неоднократно просил Чудинова помочь привлечь опытных преподавателей на этот факультет, напоминал о необходимости обеспечить пайками его студентов.¹¹

Окончившие рабфак пополняли ряды студентов основных факультетов ТУ и Томского (с 1925 г. Сибирского) технологического института (ТТИ (СТИ)). На протяжении 1920-х гг. более востребованным среди них был технологический институт, что вполне укладывалось и в общесоюзные тенденции: инженерные специальности были более престижными и высокооплачиваемыми. Если с 1922/23 по 1927/28 уч. гг. доля рабочих и крестьян в студенческом контингенте ТТИ (СТИ) увеличилась с 13,9 и 14 % до 42,1 и 20,5 % соответственно, то среди студенчества ТУ на протяжении 1920-х гг. доля рабочих составляла не более 20,9 %, а крестьян — не более 22,3 %.¹² В сту-

денческом корпусе Томского университета преобладали дети служащих и интеллигенции. Хотя члены коммунистической ячейки ТУ и секции научных работников Томска зачастую оставались удовлетворенными классовыми результатами приемных кампаний,¹³ на их удовлетворенность накладывались трудности социально-классовой идентификации в раннесоветской России. Члены коммунистической ячейки ТУ действительно получали от «доброжелателей» письма. В них сообщалось о сокрытии истинного социального происхождения и (или) положения тем или иным студентом.¹⁴ В условиях идентификационного хаоса партийцы погружались в атмосферу недоверия, часто отказывая студентам в пересмотре дел об их исключении.

Влияние неопределенной сословно-классовой структуры советского общества 1920-х гг. на положение студентов вузов отмечалось в трудах А. П. Купайгородской, Ш. Фицпатрик, А. Ю. Рожкова, Д. А. Андреева.¹⁵ Ситуация в Томском университете рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о расширении этой неопределенности на корпоративные практики взаимодействия профессоров и студентов, на карту идентичностей университетского микросоциума. В 1927 г. в послании на имя заведующего Главпрофбром НКП И. И. Ходоровского представители университетской ячейки ВКП(б) сообщили о конфликте, возникшем вокруг выборов в сотрудники акушерско-гинекологической клиники Томского государственного университета (ТГУ). Бюро ячейки, изначально рекомендовав кандидатуру А. Д. Данилова, затем, однако, «приказало» ему забрать свое заявление из предметной комиссии. Данилов этот «приказ» проигнорировал и не явился по вызову райкома ВКП(б) для разбирательства. Согласно точке зрения, изложенной в названном послании, заведующий

⁹ Чудинов Д. К. Из недавнего прошлого // Просвещение Сибири. 1927. № 10. С. 35.

¹⁰ Солоникин Д. Основание томского рабочего факультета // Четыре года томского рабфака: сборник к 5-летию существования рабфаков РСФСР. Томск, 1924. С. 7.

¹¹ См., напр.: ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 39. Л. 18–18об.

¹² См.: Косцова Л. В. Динамика состава сибирского студенчества в 20-е годы // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980. С. 242.

¹³ См.: ГАТО. Ф. Р-405. Оп. 1. Д. 48. Л. 2; ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 12. Л. 57.

¹⁴ См.: ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 5. Л. 56–57; Оп. 3. Д. 2. Л. 2–4; Д. 1. Л. 113.

¹⁵ См.: Купайгородская А. П. Указ. соч.; Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001. С. 174–207; Она же. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011; Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М., 2016; Андреев Д. А. Пролетаризация высшей школы: «Новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е гг.). М., 2012. С. 494–522.

клиникой, профессор Томского университета Н. И. Горизонтов попал под влияние Данилова и, отказавшись снять его кандидатуру, «форсировал» выборы. Эта типичная, на первый взгляд, история, в целом характерная для периода борьбы за «надежный» партийно-классовый состав университета, осложнялась тем, что Данилов был членом ВКП(б).¹⁶ Попытки постфактум объяснить причины его «термидорианства» карьерными соображениями не отменяют факт того, что местные коммунисты не могли в полной мере опереться на принцип партийно-классового отбора в процессе обновления профессорско-преподавательского состава Томского университета. Тот принцип, который считался фундаментальным, обнаруживал свою уязвимость. Данилова, несмотря на протекцию Горизонтова, не избрали в клинику. Вскоре он был исключен из партии и направлен «для работы на периферию».¹⁷

Члены и кандидаты в члены ВКП(б) обманывали казавшиеся несомненными ожидания архитекторов политики «пролетаризации» высшей школы, когда отказывались от ответственной работы, колебались в период внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг., будучи не в силах определиться с отношением к Троцкому,¹⁸ или, например, в пьяном виде демонстрировали не самое лояльное отношение к партии и советскому режиму.¹⁹ В ситуации, когда сословно-классовое происхождение и партийная принадлежность дискредитировали себя как гаранты лояльности, востребованными оказались практики тотального контроля, а чрезмерная замкнутость и недоступность «партийному взору» становились предметом критики партийцев.²⁰ Критерии разделения профессуры и студенчества, использованные в партийных сводках, уже с середины 1920-х гг. не отражали фактическое состояние общества.²¹ В этом контексте неслучайным видится то, что, в отличие от студенческих «чисток» первой половины 1920-х гг., «чистка» 1929 г. преимущественно была направлена против уже не столько классово чуждых студентов, сколько «непригодных членов» партийных

ячеек.²² Акцент, сделанный в постановлении НКП 1929 г. «О чистках» в вузах, рабфаках и техникумах на «обнаружении антисоветского поведения»,²³ говорит о том, что власть столкнулась с высокой неопределенностью в конструировании опорных социально-профессиональных групп, нивелировать которую посредством только партийно-классового принципа отбора было невозможно.

Симптомы этого состояния проявлялись вполне. В начале 1920-х гг. профессор Томского университета С. В. Лобанов характеризовался в прессе как реакционный представитель «старой» профессуры.²⁴ В сентябре 1929 г. коммунистическая студенческая фракция правления ТГУ ввиду предстоявшей отставки профессора М. Г. Курлова предложила, однако, передать чтение лекций по кафедре врачебной диагностики и факультетской терапевтической клиники Лобанову, как отмечалось в протоколе, несмотря на «все его странности».²⁵ Социальное происхождение Лобанова из мещан²⁶ и его репутация «старого» профессора не стали решающими в этой рекомендации. В восприятии членов фракции отсутствие частной медицинской практики выгодно отличало Лобанова от альтернативного кандидата приват-доцента ТГУ С. А. Адамова. Конечно, следует принять во внимание то, что 1920-е гг. были отмечены для томских вузов оттоком кадров. Манипуляция перспективой покинуть университет использовалась именитыми томскими учеными, что зачастую сдерживало агрессивный настрой политически ангажированного студенчества и местных партийных деятелей.²⁷ Вместе с тем использование альтернативной демаркации «своей» и «чужой» профессуры, примером чего является случай С. В. Лобанова, говорит о другой тенденции: стандартные параметры определения дружественных и враждебных групп всякий раз оказывались несовершенными при столкновении с действительностью. Эти параметры были как фундаментальными (сословно-классовое происхождение и партийная принадлежность), так и ситуативными (неформальная и публичная позиция).

¹⁶ См.: ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1. Л. 12–13.

¹⁷ Там же. Л. 32.

¹⁸ См.: Шварц А. М. Красное студенчество и профессура // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980. С. 38.

¹⁹ См.: ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 14. Л. 50.

²⁰ См.: Там же. Д. 12. Л. 200б.

²¹ См.: Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности / Красильников С. А. [и др.]. Новосибирск, 2007. С. 155, 156.

²² См.: Рожков А. Ю. Указ. соч. С. 239.

²³ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 676. Л. 105.

²⁴ См.: Красное знамя. Томск. 1922. 3 окт.

²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 3. Л. 18.

²⁶ См.: Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1996. Т. 1. С. 151.

²⁷ См.: ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1. Л. 80б.

С сословно-классовой точки зрения состав профессоров Томского университета был не совсем типичен в сравнении с другими классическими университетами предреволюционной России. В силу того, что первые 10 лет Императорский Томский университет функционировал в составе одного медицинского факультета, его преподавательский состав комплектовался по преимуществу выпускниками Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии, куда принимали воспитанников духовных семинарий. В период действия Университетского устава 1884 г. обучение в университетах для бывших семинаристов было малодоступным. Однако для Томского университета, как и для Варшавского и Юрьевского, в этом плане было сделано исключение, и собственные преподавательские кадры ИТУ готовились тоже нередко из семинаристов. Поэтому в период с 1888 по 1917 гг. большинство (34,8 %) профессоров ИТУ были выходцами из духовенства; уступали им выходцы из дворянства (27,9 %).²⁸ Несмотря на постепенную демократизацию преподавательского корпуса императорских университетов (снижение доли дворян), доля выходцев из духовенства в 1904 г. составляла в них всего 20,9 %.²⁹ ИТУ отличался по данному параметру от других университетов,³⁰ и характерная для позднеимперского периода сословная фильтрация их преподавателей³¹ в известной степени обошла первый университет в Сибири стороной. Семинаристы, которых в контексте их прав на высшее образование современники нередко называли «пасынками храма науки», и в Томске, и в империи в целом ощутили последствия сословной дискриминации в полной мере. Профессора и студенты Томского университета, несомненно, помнили об этом, когда советская власть признала выходцев из духовенства реакционным сословием. Несмотря на радикализм социально-политического слома в России после 1917 г., духовники так и остались отверженными.

Неудивительно, что профессора Томского университета, нагруженные к тому же мен-

тальностью университетских интеллектуалов, в которой свое место занимали идеи социальной справедливости, выглядели аномально на воображенной картине «классового врага». В. О. Болдырев, заведующий учебной частью рабфака ТГУ, вспоминал, как профессор Г. Э. Иоганзен однажды спросил его: «Что такое диалектическая точка зрения в биологии, с которой требуют преподавать мой предмет рабфаковцы? Я материалист, ученик Мензбира, Тимирязева. Разве этого мало?»³² Болдырев, на первый взгляд, справедливо охарактеризовал Иоганзена как «старого профессора». Г. Э. Иоганзен — профессор анатомии и зоологии позвоночных ТУ, выходец из прибалтийских немцев, чей отец был пастором евангелическо-лютеранской церкви, а мать происходила из дворянского рода. Иоганзену удавалось переносить внимание студентов-рабфаковцев с популярных среди них физико-математических наук на зоологию. Многие из них с благодарностью затем вспоминали профессора, который водил их «по рощам окрестностей Томска» и «увлекательно рассказывал» о происхождении и развитии природы.³³

Молодые рабфаковцы часто снисходительно относились к обращению «господа» — привычке, от которой профессорам Томского университета было трудно избавиться. К. И. Ровда, бывший студент томского рабфака, а впоследствии литературовед, отмечал: «Хотя некоторые преподаватели и называли нас на лекциях по установившейся привычке “господами” (физик Поспелов), но мы относились с большим уважением к ним».³⁴ То же обращение по отношению к рабфаковцам предпочитал профессор ТУ В. В. Сапожников. Будучи одним из организаторов и преподавателей томского рабфака, ранее, заметим, он занимал пост министра народного просвещения Временного Всероссийского правительства. Рабфаковцы и студенты-«основники» знали об этом, не отказывая, впрочем, в симпатии «старому» профессору. На томском рабфаке преподавали и профессор Я. И. Михайленко, А. А. Кулябко, В. И. Шумилов, Б. П. Вейнберг, В. В. Ревердатто и др. Первым его директором был выходец из купечества, профессор В. П. Зылев.

²⁸ См.: Некрылов С. А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 46, 47.

²⁹ См.: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 170.

³⁰ См.: Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. — февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. С. 209–214.

³¹ См.: Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 223–226.

³² Болдырев В. О. Краткий очерк по истории сибирского рабфака // Архив научно-учебной исследовательской лаборатории (НУИЛ) «Сибирь: исторические традиции и современность». Б. д., б. л. Благодарим Г. В. Болдырева за предоставленные материалы.

³³ Наша жизнь на рабфаке // Там же. Б. д., б. л.

³⁴ Ровда К. И. Письмо В. О. Болдыреву // Там же. Б. д., б. л.

Безусловно, некоторые профессора не совсем дружелюбно отнеслись к обновленному контингенту студенчества, и это нашло отражение в воспоминаниях. Источник этого недружелюбия, однако, не был связан с бинарным разделением сообщества Томского университета. Напротив, структура этого сообщества отличалась неопределенностью и была нестабильной. Ректор Казанского университета Г. Х. Камай вспоминал, как в период его обучения на физико-математическом факультете ТГУ в 1920-е гг. один профессор, читая курс общей ботаники, каждую лекцию начинал с благодарности «правительству, открывшему первый в Сибири сельскохозяйственный институт». «Имелось в виду колчаковское правительство», — пояснял Камай.³⁵ Лектор читал «тихим, убаюкивающим голосом», щедро использовал в речи латинские фразы и «как бы уносился в другой мир». Камай не называет имя этого профессора. Вероятнее всего, речь идет о П. Н. Крылове, одном из основателей ботанического сада при Императорском Томском университете, а в будущем члене-корреспонденте АН СССР. Отчасти это подтверждается и в воспоминаниях В. О. Болдырева. Последний отмечал: «Я помню, с каким недоверием относился к рабфаковцам П. Н. Крылов». Однако Болдырев подчеркивал, что в дальнейшем рабфаковцы подкупили Крылова «своим энтузиазмом» и «упорством».³⁶

В 1920-е гг. вузовское студенчество играло двойственную роль: с одной стороны, оно было агентом партии и государства, а с другой — оставалось под их подозрением.³⁷ Можно утверждать, что известная двойственность была характерна и для профессуры. Конечно, лояльного «старого» профессора всегда можно было представить как или отрекшегося от идеалов и ментальности корпорации, или сохранившего крамольные убеждения, но прямо их не обнаруживающего. Ситуативные параметры конструирования коллективного образа «старого» профессора Томского университета формировались исходя из партийных сводок и характеристик. Эти материалы показывали, что профессора Б. П. Вейнберг, В. Д. Кузнецов, И. А. Соколов, С. В. Лобанов, В. Н. Саввин, М. Г. Курлов, В. М. Мыш, А. П. Азбукин и др.

скептически относились к советской действительности, пусть прямо и не афишируя это.³⁸

Неоднородность внутренней структуры «старой» профессуры и «нового» студенчества усложнялась и нетривиальными сценариями их взаимодействия, которое далеко не всегда отличалось нетерпимостью, предусматривавшейся политикой «пролетаризации» высшей школы. Эти взаимодействия, напротив, нередко были толерантными, а границы между двумя этими группами оказывались размытыми, что видно на примере отношений профессоров Томского университета и рабфаковцев. В то же время профессора едва ли были настроены на пропаганду среди молодежи альтернативных политических учений и, как уже отмечалось, готовы были в определенных условиях идти на компромисс с партией и государством. Пожалуй, трудно назвать хотя бы один критерий, позволяющий выделить в таком микросоциуме устойчивые группы. Вместе с тем и «красное» студенчество, и «старая» профессура нередко воспринимались как сплошные и недифференцированные общности, которые репрессивно довели над конкретными людьми и нередко с трудом корреспондировались с действительностью. Так, по воспоминаниям В. Д. Кузнецова, «большевики были очень недовольны» Б. Л. Богаевским. Считалось, что тот «примыкал к группе реакционных профессоров».³⁹ В конце 1920-х гг. инструктор Сибкрайкома ВКП(б) Н. П. Загорский обвинил Г. Э. Иоганзена в распространении на лекциях религиозных воззрений. Загорский считал это примером «вырождения буржуазной профессуры».⁴⁰ В одной из сводок П. Н. Крылов подозревался в том, что объединял вокруг себя «несоветски настроенных научных работников».⁴¹

Таким образом, практики «пролетаризации» высшей школы в раннесоветский период отличались известной противоречивостью, контрастно выделяясь на фоне проектов этой «пролетаризации». О ее последствиях, прежде всего в аспекте поляризации университетских сообществ на бинарные группы, в историографии сказано немало. Однако если А. Р. Марков делает акцент на динамике изменений границ

³⁸ См.: Литвинов А. В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е гг. XX века): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. С. 83–87.

³⁹ Кузнецов В. Д. Указ. соч. С. 146.

⁴⁰ Загорский Н. Классовая борьба в сибирских вузах. Новосибирск, 1929. С. 49, 50.

⁴¹ Цит. по: Литвинов А. В. Указ. соч. С. 84, 85.

³⁵ Камай Г. Х. Мечте навстречу. М., 1970. С. 67.

³⁶ Болдырев В. О. Указ. соч.

³⁷ См.: Марков А. Р. Указ. соч. С. 100.

между «старым» и «красным» студенчеством, рассматривая при этом профессуру преимущественно как монолитную группу,⁴² то наши выводы касаются пластичности и, больше того, постоянной неопределенности границ внутри как студенческого и профессорского сообществ, так и университетского микросоциума в целом.

С одной стороны, профессорская коллегия Томского университета в постреволюционных условиях демонстрировала вполне ожидаемый протест, в основном, правда, выражавшийся в гибридном виде. На этой почве возникла культура недоверия со стороны партийцев, и прежде всего представителей коммунистической студенческой фракции правления ТУ. Вместе с тем демократические традиции университетского сообщества, нагруженные в Томске и не совсем стандартным для предреволюционной России сословно-классовым составом профессуры, зачастую приводили к толерантному отношению к «пролетарскому» студенчеству. В данном случае перспектива консервативной ассимиляции этих студентов только

усиливалась осознанием того факта, что «старая» профессура оказалась не тем, чем она представлялась.

И профессора, и студенты уклонялись от стандартов классового поведения. В ситуации, когда недоверие партийцев вслед за «старой» профессурой распространялось на классово верных студентов, выбор ролевых моделей в повседневности университетского сообщества стал носить ситуативный, а не заданный строгими параметрами (сословно-классовое происхождение и социальное положение, партийная принадлежность, поведение и позиция) характер. Популярность среди рабфаковцев бывшего министра белого правительства символизировала крах оптимистичных ожиданий большевиков от опорных социальных групп. Мыслимо предполагать, что нестабильность групповых границ университетского сообщества и хроническое несоответствие последнего воображенным идентичностям были предтечами синдрома всеобщей вины и подозрительности, возникшего в период репрессий 1930-х гг.

Alexei O. Stepnov

Candidate of Historical Sciences, Tomsk State University (Russia, Tomsk)

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Sergei A. Nekrylov

Doctor of Historical Sciences, Tomsk State University (Russia, Tomsk)

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

“PROLETARIANIZING” THE SOVIET HIGHER SCHOOL:
A CASE STUDY OF TOMSK UNIVERSITY

The article examines the boundaries between the subgroups within the Tomsk University community in the context of the policy of “Proletarianization” in the Soviet Higher School during the 1920s. The project of “Proletarianization” was mainly aimed at changing the social composition of students and professoriate as well. The social modernization of the professors’ subgroup required a longer time, therefore, the “proletarian” students were thought of as not only the upcoming change of professoriate, but also as a tool of pressure “from below” on the “starye” (“old”) professors. The contraposition of these categories within the universities spaces is also typical for historiography. The exception is made mainly in connection with the revision of the specific qualities of particular groups (for example, the revisionist characterization of the “vydvizhentsy” as agents of the reassertion of traditional values in the 1930s). However, the democratic traditions of the “old” professors, who at Tomsk University were characterized by the estate composition not quite standard for classical universities in pre-revolutionary Russia, largely determined the tolerant attitude of a considerable part of them to the “proletarian” students. It is emphasized that the “proletarian” students often recognized the “old” professors as “ours”. The boundaries between the “old” professors and the “red” students turned out to be plastic, and the role models of behavior chosen by them were unstable and often did not meet the expected standards. Actually, the models of “professoriate” and “studentship” imagined by the party members turned out to be substantialized. The repressive imposition of these models on the actual identity map of the University community generated a perception failure and an atmosphere of distrust in the community, which became one of the prerequisites for the anxious realities of the Stalin era.

⁴² См.: Марков А. Р. Указ. соч.

Keywords: “proletarianization” of Higher School, professoriate, students, *rabochiy fakultet* (*rab-fak*), Soviet Russia

REFERENCES

- Andreev D. A. [Proletarianization of Higher Education: “The New Student” as an Instrument of Educational Policy]. *Raspisaniye peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-ye gg.)* [Schedule of Changes: Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire — USSR (Late 1880s — 1930s)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012, pp. 494–522. (in Russ.).
- Chanbarisov Sh. Kh. *Formirovaniye sovetskoy universitetskoy sistemy (1917–1938 gg.)* [Formation of the Soviet University System (1917–1938)]. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1973. (in Russ.).
- Chudinov D. K. [From the Recent Past]. *Prosveshcheniye Sibiri* [Education of Siberia], 1927, no. 10, pp. 25–38. (in Russ.).
- David-Fox M. *Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1997. (in English).
- Finkel S. [Organized Professorship and University Reform in Soviet Russia (1918–1922)]. *Vlast' i nauka, uchenyye i vlast': 1880-ye — nachalo 1920-kh gg.: Materialy mezhdunar. nauch. kollokviuma* [Power and Science, Scientists and Power: 1880s — Early 1920s: Proceedings of the International Sci. Colloquium]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003, pp. 173–184. (in Russ.).
- Fitzpatrick S. [Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia]. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period. Antologiya* [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Soviet period. Anthology]. Samara: “Samarskiy universitet” Publ., 2001, pp. 174–207. (in Russ.).
- Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. (in English).
- Fitzpatrick S. *Sryvayte maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Yel'tsina” Publ., 2011. (in Russ.).
- Gribovsky M. V. *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppya rossiyskogo obshchestva. 1884 g. — fevral' 1917 g.: dokt. diss.* [The Teaching Corps of the Imperial Universities as a Social and Professional Group of Russian Society. 1884 — February 1917: Diss. Doc.]. Tomsk, 2018. (in Russ.).
- Ivanov A. E. *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher School of Russia in the Late 19th — Early 20th Century]. Moscow: S. n., 1991. (in Russ.).
- Ivanov K. V. [New Education Policy in 1917–1922. Higher School Reform]. *Raspisaniye peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-ye gg.)* [Schedule of Changes: Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire — USSR (Late 1880s — 1930s)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012, pp. 359–379. (in Russ.).
- Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38. *Journal of Social History*, 1996, vol. 30, no. 1, pp. 97–128. (in English).
- Kostsova L. V. [Dynamics of the Composition of the Siberian Students in the 20s]. *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskiye kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher School and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 219–248. (in Russ.).
- Krasilnikov S. A., Pystina L. I. Us B. L., Ushakova S. N. *Intelligentsiya Sibiri v pervoy trety XX veka: status i korporativnyye tsennosti* [Siberian Intelligentsia in the First Third of the 20th Century: Status and Corporate Values]. Novosibirsk: ID “Sova” Publ., 2007. (in Russ.).
- Kupaygorodskaya A. P. *Vysshaya shkola Leningrada v pervyye gody Sovetskoy vlasti (1917–1925 gg.)* [Leningrad Higher School in the First Years of Soviet Power (1917–1925)]. Leningrad: Nauka, LO Publ., 1984. (in Russ.).
- Litvinov A. V. *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo universiteta (20–30-ye gg. XX veka): kand. diss.* [Teaching Corps of Tomsk University (20–30s of the 20th Century): Diss. Cand.]. Tomsk, 2002. (in Russ.).

Markov A. R. *Chto znachit byt' studentom: Raboty 1995–2002 godov* [What it means to be a student: Works of 1995–2002]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2005. (in Russ.).

McClelland J. C. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917–1921. *Slavic Review*, 1971, vol. 30, iss. 4, pp. 818–831. DOI: 10.2307/2493850 (in English).

Nekrylov S. A. *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888 – fevral' 1917 gg.): kand. diss.* [Teaching Corps of the Imperial Tomsk University (1888–February 1917): Diss. Cand.]. Tomsk, 1999. (in Russ.).

Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar' [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1996, vol. 1. (in Russ.).

Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar' [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1998, vol. 2. (in Russ.).

Rozhkov A. Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v sovetskoy Rossii 1920-kh godov. 2-ye izd.* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s. 2nd ed.]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. (in Russ.).

Shchetinina G. I. *Universitety v Rossii i ustav 1884 goda* [Universities in Russia and the 1884 Charter]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (in Russ.).

Zagorsky N. *Klassovaya bor'ba v sibirskikh vuzakh* [Class Struggle in Siberian Universities]. Novosibirsk: Sibkraiizdat Publ., 1929. (in Russ.).

Для цитирования: Степнов А. О., Некрылов С. А. «Пролетаризация» в раннесоветской высшей школе: опыт Томского университета // Уральский исторический вестник. 2023. № 1(78). С. 65–73. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73.

For citation: Stepnov A. O., Nekrylov S. A. “Proletarianizing” the Soviet Higher School: A Case Study of Tomsk University // Ural Historical Journal, 2023, no. 1(78), pp. 65–73. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73.